

ОТ РЕДАКЦИИ

Если литературоведение и сейчас еще должно быть признано одним из наиболее отстающих участков нашего идеологического фронта, то изучение литературного наследия феодально-крепостнической эпохи должно быть признано одним из наиболее отстающих участков марксистско-ленинского литературоведения. Огромный фактический материал, накопленный в этой области, материал крайне пестрый и неравноценный, до сих пор остается не только не обобщенным, не осмысленным, но и не систематизированным сколько-нибудь полно.

Между тем систематизация материала—этот первоначальный этап всякой научной работы—имеет в данном случае особенно существенное значение. Дело в том, что пестрота и неравноценность его не ограничивается только тем, что он совершенно хаотичен, что какую-то долю его, и долю довольно значительную, составляет всяческий псевдонаучный архивный хлам, сотни и тысячи никому и ни зачем ненужных архивных мелочей и мелочишек. Это действительно так, это определенным образом характеризует теоретические предпосылки и исследовательскую практику старого академического литературоведения, занимавшегося собиранием подобного материала, но это—только одна сторона вопроса.

Другая сторона вопроса, еще более существенная, заключается в том, что материал этот не только пестр и неравноценен по своему научному значению, но что он, помимо всего прочего, носит совершенно ясные следы известной классовой фильтрации. В чем состоял смысл подобной фильтрации? Прежде всего в том, чтобы воспрепятствовать проникновению в научный обиход таких данных, которые рисовали бы феодально-крепостническое общество как общество классовое, основным фактором исторического развития которого является, как и во всяком классовом обществе, классовая борьба. В дворянско-помещицком литературоведении такого рода задача осуществлялась путем прямого замалчивания всех тех явлений, которые разрушали бы представление о литературе этой эпохи как о продукте идеологической активности исключительно социальных верхов феодально-крепостнического общества, в первую очередь—придворной аристократии. Литература среднего и мелкого дворянства, недворянского городского населения, наконец литература крестьянства просто вычеркивалась из литературного наследия эпохи, признавалась как бы не существующей.

Несколько иначе обстояло дело в литературоведении буржуазном. Замалчивать эстетическую культуру социальных низов феодально-крепостнического общества на предмет вящего превознесения культуры придворно-аристократической ему не было необходимости. Поэтому оно не имело ничего против включения ее памятников в круг исследовательской работы. Но не менее чем литературоведение дворянско-помещицье буржуазное литературоведение было заинтересовано в том, чтобы нейтрализовать в отношении указанных литературных рядов момент классовой борьбы. Отсюда, прежде всего, тенденция трактовать разнородность идейно-психологического содержания и конструктивно-стилевых установок литературы придворно-аристократической, с одной стороны, литературы низового дворянства и городского мещанства—с другой, и крестьянской литературы—с третьей, как явление, обуславливаемое исключительно разностью культурных уровней каждой из этих социальных групп. Отсюда, далее, неизменно повторяющиеся попытки рассматривать эти литературные ряды как мирно сосуществующие, развивающиеся совершенно изолированно один от другого и не вступающие в процессе своего исторического становления ни в какое взаимодействие между собою. Отсюда наконец стремление к максимальному снижению идейной стороны литературы социальных низов, стремление низвести ее до уровня развлекательного чтения, никак и ничем не отражающего мирозерцания данной классовой прослойки.

Боле или менее аналогичная картина наблюдается в области разработки наследия радикальной публицистики XVIII века. С именами Радищева и Новикова старое академическое литературоведение еще мирилось. Исследователи, научная практика кото-

рых была связана в большей степени с классовой практикой буржуазии, нежели с классовой практикой крепостнического дворянства, порою проявляли даже некоторый пиетет к литературному наследию Радищева и Новикова, поскольку освободительные идеи первого и, при всей ее умеренности, фрондирующая сатира второго в какой-то мере были созвучны политическим устремлениям буржуазии в ее попытках борьбы с помещичье-дворянской абсолютистской монархией. Но «вольномудство» XVIII в. как развернутое, широко разветвленное движение, далеко выходящее за пределы индивидуальных исканий двух-трех отдельных мыслителей, остается забытым до сего дня. Да и та же проблема Радищева и Новикова еще ждет своего исследователя-марксиста. Все исследования об этих мыслителях принадлежат, как правило, буржуазным ученым-идеалистам. Надлежит развернуть в монографическое исследование ценнейшие высказывания Ленина о Радищеве, чрезвычайно высоко ставящего этого последнего (см. напр. Ленин, Соч., 3-е изд., т. IV, стр. 127 и т. XVIII, стр. 81).

В этом последовательном замалчивании всех явлений литературного наследия XVIII в., которые свидетельствовали бы о том, что наряду с дворянскими верхами в литературном движении эпохи участвовали и другие социальные группы и что отношение этих групп к дворянским верхам отнюдь не носило характера мирного сотрудничества, классовость научных позиций старого академического литературоведения сказалась наиболее полно. Но достаточно четко проступают ее классовые корни и в ее подходе к памятникам литературного быта наиболее правого, наиболее реакционного крыла дворянской общественности.

В этом смысле характерна судьба литературного наследия Болотова—одного из омерзительнейших персонажей русской феодально-крепостнической культуры. Академическое литературоведение, охотно и усиленно пропагандируя его «Записки», канонизируемые им в качестве одного из лучших памятников мемуарной литературы эпохи, наиболее полно и объективно отразивших современную мемуаристу действительность, в то же время неизменно игнорировало все остальные его писания, до основания разрушающие легенду о его пресловутой исторической объективности.

Покончить раз навсегда с этими реакционнейшими, от начала до конца враждебными нам представлениями о литературном наследии феодально-крепостнической эпохи—одна из серьезнейших задач, стоящих перед марксистско-ленинской историко-литературной наукой. Задача тем более неотложная, что дальнейшее пренебрежение к данному участку исследовательской работы совершенно естественно влечет за собою крайне вредную по своим последствиям стабилизацию этих реакционнейших представлений. До тех пор, пока не разоблачена их классовая основа, пока они не заменены какими-то другими, новыми, подлинно научными, они конечно будут жить—пусть подспудно—в нашем литературоведческом обиходе.

Между тем разоблачение их важно еще и в другом отношении. Научная практика дворянско-помещичьего и буржуазного литературоведения имела еще и тот вредный результат, что она создавала благоприятную почву для отношения к феодально-крепостнической культуре как культуре мертвой, культуре, никакими нитями не связанной с современностью. Именно то обстоятельство, что из всего многообразия поэтических фондов эпохи в течение многих десятилетий выдвигалось на первый план то, что было направлено к утверждению и прославлению феодально-крепостнического уклада, и всячески замалчивалось то, что было обращено против этого уклада, определило огульно отрицательное отношение к XVIII в. как к архивной мертвечине со стороны Белинского, со стороны радикальной демократической критики 60-х годов и наконец со стороны целого ряда представителей раннего литературного марксизма.

Чтобы та работа по переосмыслению литературного наследия рассматриваемой эпохи под углом зрения марксизма-ленинизма, о которой говорилось выше, не замыкалась в рамки сухого и одностороннего академизма, необходимо прежде всего преодолеть эту инерцию.

Необходимо понять, что формировавший феодально-крепостническую культуру социально-экономический и культурно-бытовой уклад вовсе не является такой седой археологической древностью, как может показаться это, если скользить по поверхности вещей, не вникая в их сущность. Необходимо понять, что на протяжении всего прошлого столетия крепостнические пережитки являются одним из основных и определяющих факторов исторического развития России, что не только в дореформенную, но и в пореформенную эпоху эти пережитки пронизывают все поры российской экономики и сообщают особую специфическую окраску всей системе надстроек, что только на наших глазах—в октябрьские дни—окончательно рухнуло вековое здание крепостнического государства.

Отсюда совершенно очевидно, что изучение XVIII в.—периода высшего расцвета, высшего апогея феодально-крепостнического строя—не имеет и отдаленного привкуса какого-то академического гурманства. Утверждая необходимость включения этой эпохи в орбиту научно-исследовательской работы, мы не отступаем от марксистско-ленинского принципа—изучать прошлое не ради самого прошлого, а ради того, чтобы полнее и глубже понять настоящее,—а осуществляем этот принцип.

Если вне изучения феодально-крепостнического строя и феодально-крепостнической культуры периода ее расцвета невозможно выработать должную классовую перспективу для изучения последующих этапов русского исторического процесса, то вне изучения первых попыток борьбы с этим строем невозможно понять дальнейшие этапы этой борьбы. От подпольной поэзии екатерининских и павловских времен протягиваются прямые нити к вольным эпиграммам Пушкина, от Радищева—к Пестелю.

Художественная ценность ряда произведений литературы XVIII в.—еще один довод за углубленное марксистско-ленинское изучение этой литературы. Многие художественные образы, рожденные XVIII в., живы до сих пор. Вспомним хотя бы тот пример, что державинский образ «как солнце в малой капле вод» (из оды «Бог») является одним из излюбленных образов Ленина, часто прибегающего к нему в своих произведениях (см. напр. Ленин, Соч., 3-е изд., т. II, стр. 238; т. V, стр. 159; т. VII, стр. 359; т. X, стр. 263; т. XII, стр. 314; т. XIV, стр. 127; т. XV, стр. 238). То же можно сказать о многочисленных образах басен Крылова. Любопытно, что эти образы также часто встречаются в ленинских текстах (общее количество их здесь превышает 60): то мы сталкиваемся с зайцем-Потресовым, которому стоит дать клочок медвежьего уха, то с лисой-Богдановым, вздыхающим о том, что «зелен виноград», то с тришкиным кафтаном буржуазного попечения о «меньшом брате», то с москвой-Михайловским, лающим на слона Маркса, или с выразительным эпитафием к статье, кончающимся словами «услужливый Струве опаснее врага» (Ленин, Соч., 3-е изд., т. II, стр. 86, 140, 194; т. I, стр. 78; т. VI, стр. 368). Крылов хотя и не принадлежит целиком XVIII в., но все же стоит там одной ногой,—поэтому стоит упомянуть тут и о его творчестве.

Сказанное в основном объясняет состав настоящего сборника в первом его разделе—в разделе публикаций и исследований.

Более узкие цели преследует печатаемая в настоящем сборнике серия обзоров. Выше мы уже отмечали, что собиравание сырого фактического материала из области литературной жизни рассматриваемой эпохи протекало совершенно хаотично. В результате до сих пор мы не имеем в полной мере отвечающих требованиям современной науки собраний сочинений крупнейших литературных деятелей того времени. Как один из подготовительных этапов на пути к таким собраниям имеет большое значение приведение в порядок их литературного наследия. Эту задачу и ставят перед собой обзоры, посвященные Ломоносову, Державину и др.

Иногда в результате такой работы приходится вносить более или менее существенные коррективы в привычные характеристики того или иного литературного деятеля. Так в результате проделанной М. Габель работы по обследованию литературного наследия Княжнина оказалась совершенно разрушенной традиционная легенда о Княжнине-революционере и весь княжнинский радикализм принял гораздо более умеренный оттенок.

В заключение отмечаем, что, выпуская в свет этот сборник, редакция в полной мере сознает его недостатки. Вследствие констатированного выше установившегося пренебрежительного отношения к той эпохе, которой посвящен этот сборник, со стороны представителей марксистско-ленинского литературоведения вопрос о научно-исследовательских кадрах стоит в этой области острее, чем в какой-либо другой. Чаше, чем где-либо, здесь приходится обращаться к опыту и знаниям работников, методологическая перестройка которых в сторону марксизма-ленинизма далеко еще не завершена. Это обстоятельство естественно ведет к тому, что не все помещенные в сборнике работы оказываются равноценными по своему теоретическому уровню и по правильности постановки и разрешения трактуемых вопросов.

Читателю придется столкнуться с многообразием и разнородностью представленных в сборнике точек зрения по отдельным вопросам литературного движения рассматриваемой эпохи. Это понятно, если учесть, что изучение литературы XVIII в. до сих пор находилось почти в монопольном ведении идеалистов и эклектиков всех толков и мастей. Если этот сборник сыграет роль хотя бы зачина дальнейшей развернутой и углубленной марксистской работы по изучению литературного наследия феодально-крепостнической эпохи, то редакция будет считать, что поставленная ею задача выполнена.

В заключение считаем необходимым сказать несколько слов об иллюстративном материале сборника. Иконографические фонды XVIII в. вообще говоря довольно обильны. Но по своей социальной окраске они почти целиком являются продуктом эстетической культуры придворно-аристократических верхов современного общества. Социально-бытовой и идейно-психологический уклад низовых классовых группировок представлен в них в минимальной степени. Поэтому при взятой редакцией установке на развернутый показ именно «низовой» литературы возможность использования их неизбежно оказывалась весьма и весьма относительной.

Это вынудило редакцию отказаться от обычно применяемого ею в подборе иллюстраций принципа прямого иллюстрирования публикуемых текстов. Сгруппированный в сборнике иллюстративный материал в значительной мере самостоятелен. Думаем однако, что это не умаляет его ценности. Наоборот,—есть все основания предполагать, что сгруппированные здесь образцы например жанровой живописи эпохи, при почти полной ее неизученности, могут представить известный интерес и для специалистов-искусствоведов.

Непосредственное участие в работе по организации настоящего сборника принимал Г. А. Г у к о в с к и й. Значительную помощь в этом направлении оказал редакции И. Л. А н д р о н и к о в. Большая часть фотоснимков для сборника выполнена фотолабораторией Академии Наук СССР, руководимой С. Г. Г а с и л о в ы м, и фотолабораторией Государственного Исторического Музея, руководимой А. В. Х л е б н и к о в ы м. Всем лицам и организациям, содействовавшим осуществлению сборника,—благодарность редакции.